

В поисках «другой» экономической теории¹

О книге Л. П. Евстигнеевой, Р. Н. Евстигнеева «Стратегия экономического развития России: теоретический аспект». – М.: URSS, 2016. – 216 с.

А.А. МАЛЬЦЕВ, кандидат экономических наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург. E-mail: almalzev@mail.ru

Рассматриваются основные идеи монографии «Стратегия экономического развития России: теоретический аспект» известных российских экономистов Л. П. Евстигнеевой и Р. Н. Евстигнеева. Показано, что экономическая синергетика представляет собой интересную альтернативу мейнстримной экономической теории. Особое внимание уделено изучению авторской попытки применения экономической синергетики к анализу процессов трансформации мировой экономики и специфики восприятия социально-экономических проблем России через призму синергетической парадигмы.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическое сообщество, синергетика, мировая экономика, экономика России

Рубеж XX–XXI столетий в плане развития экономической теории ознаменовался появлением обширной библиотеки работ, отмечающих кризисное состояние «королевы социальных дисциплин»². Все громче слышны голоса экспертов, настаивающих на том, что современная *economics* страдает от кричащей теоретической нищеты и полного мелкотемья. Еще более распространены упреки в адрес экономтеоретиков в чрезмерном увлечении строительством воздушных замков, выливающимся в подмену изучения насущных задач социально-экономического развития «игрой в песочнице» [6. С. XIV].

Нельзя не признать, что значительная часть данных обвинений отнюдь небеспочвенна. Более того, после Великой рецессии 2007–2009 гг. с ними отчасти солидаризировались некоторые экономисты нобелевского «калибра»³. Однако, растратив силы на яркое обличение погрязшей в «пороках» экономической теории и искреннюю самокритику, корифеи мейнстрима фактически

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-5700.2016.6.

² См. подробнее: [1; 2; 3; 4; 5].

³ См., например: [7; 8].

проигнорировали необходимость осмысления причин столь неудовлетворительного состояния дел в их науке. Зачастую их претензии касаются лишь избыточной математизации трудов своих коллег и практически не затрагивают основные предпосылки «Ее Величества» *economics*. Даже экономисты-гетеродоксы в основном усматривают в текущих проблемах своих оппонентов из лагеря ортодоксальной экономической теории не более чем просто «банкротство» неоклассической *economics*.

Поверхностность критики нынешней *economics* не ускользнула от внимания наиболее дальновидных экспертов. «Большинство критиков (современной экономической науки. – А.М.) не подвергло сомнению саму экономическую парадигму, – пишет профессор Нью-Йоркского университета в Абу-Даби Г. М. Дерлугьян, – чаще всего это были “ереси”, вызывающие на диспут текущую ортодоксию и порицающие ее с позиций гетеродоксии в рамках той же церковной доктрины» [9. С. 313]. Неудивительно, что в обществоведческом дискурсе все более популярной становится идея о необходимости серьезной перестройки всего здания экономической науки. С высоких трибун к этому призывает целый сонм авторитетных ученых, объединенных под эгидой Института нового экономического мышления, провозгласившего своей целью устранение «недостатков в наших устаревших экономических теориях» [10]. К сожалению, даже крупные мыслители не идут дальше констатации того, что «неоклассическая экономическая теория неспособна решить... ключевые вызовы XXI века» [11].

О «тандемах» в науке

Еще драматичнее ситуация с выработкой новых, адекватных меняющимся реалиям хозяйственной среды экономических концепций, складывается в России. Трудно избавиться от впечатления, что отечественное сообщество экономистов расколото на несколько частей. Одна группа экспертов занимается созданием некой «славянофильской» экономической науки, альтернативной как марксизму, так и «западной» *economics*. Другая – с яростью неофитов доказывает, что только неоклассический мейнстрим является единственно правильным стандартом занятия экономическими исследованиями. Между ними находится место и для ученых, ностальгирующих по политэкономии социализма

и занимающихся ее реинкарнацией в той или иной форме. Нетрудно заметить, что при всех различиях эти группы исследователей объединяет одно общее – все они черпают вдохновение в теориях прошлого. Лишь немногие экономисты рискуют вынести на суд научной общественности по-настоящему новую, нешаблонную концепцию.

К числу таких редких ученых, без сомнения, можно отнести докторов экономических наук, сотрудников Института экономики РАН Людмилу Петровну и Рубена Николаевича Евстигнеевых, которые на протяжении нескольких десятилетий разрабатывают крайне нестандартную концепцию экономической синергетики. Основные идеи Евстигнеевых нашли отражение в многочисленных монографиях и большом количестве статей в ведущих российских журналах. К сожалению, в 2015 г. Л. П. Евстигнеевой не стало. Книга, являющаяся объектом нашей рецензии – «Стратегия экономического развития России: теоретический аспект», вышла из печати уже после ухода из жизни Людмилы Петровны. Перед тем как мы перейдем к непосредственному анализу содержания книги, хотелось бы заострить внимание на следующем моменте.

Супружеские «тандемы» в науке – явление не частое. Из когорты супругов-экономистов, внесших значимый вклад в развитие экономического знания, на память приходят только Альфред и Мэри Маршаллы, Сидней и Беатриса Уэббы, Остин и Джоан Робинсоны, Милтон и Роза Фридманы. При этом внутри вышеперечисленных семейств, на наш взгляд, всегда ощущалось научное лидерство кого-то из супругов. Иная ситуация сложилась в творческом союзе Евстигнеевых. И Рубен Николаевич, и Людмила Петровна являются равноправными сотворцами синергетической парадигмы в экономической науке. Более того, нам представляется, что только благодаря совместной работе авторам удалось решить такую грандиозную задачу, как приближение «к грядущей экономической парадигме» (С. 6), едва ли посильную ученому, работающему в одиночку. Нет сомнения и в том, что причиной, почему каждая монография из «синергетической» серии улучшает предыдущую книгу, является синтез знаний и научной неуспокоенности двух незаурядных интеллектуалов. В результате такого многолетнего осмысления и тщательнейшей

концептуальной шлифовки к 2016 г. из-под пера Евстигнеевых вышла настоящая квинтэссенция их трудов.

Синергетика – возвращение «великого нарратива»?

О чем эта книга? Для ответа на этот вопрос следует совершить небольшой экскурс в историю методологии современных социальных наук. Как известно, где-то со второй половины XX столетия фокус исследований обществоведов переориентировался с «широкой» на «узкую» проблематику. Более того, к любым попыткам создания неких обобщающих теоретических конструкций в социальных дисциплинах стали в лучшем случае относиться со скепсисом, в худшем – интерпретировать как тягу к ложной универсальности. Особенно сильно в заужении объекта анализа преуспели экономисты. В своем бравировании умением видеть в большом малое экономтеоретики дошли до «сведения любой ситуации в обществе... к шахматной партии» [12. С. 306].

Побочным результатом такого мастерства стали не только «неспособность экономистов разговаривать друг с другом на экономические темы» [13. С. XI], но и крайне узкий взгляд на социально-экономическую реальность. Схожие проблемы испытывают представители других социальных наук. Неудивительно, что в последние десятилетия в литературе начинают встречаться призывы заняться «восстановлением великих идей» [14], «великих нарративов и великих теорий» [15].

С нашей точки зрения, предлагаемая Л. П. и Р. Н. Евстигнеевыми концепция экономической синергетики во многом возвращает нас к величественной традиции Смита, Милля и Маршалла, смысл которой Дж. М. Кейнс сформулировал как задачу «объединения трех вещей: экономической эффективности, социальной справедливости и индивидуальной свободы» [16. С. XV]. Однако не стоит думать, что авторы «Стратегии экономического развития России» занимаются передеванием старых – пусть и по-прежнему сверхактуальных концепций – в новые одежды. Их цель – рассмотреть «превращение экономики в центральное звено культурной эпохи» (С. 8).

Для анализа данной трансформации Евстигнеевы предлагают сначала рассмотреть основные вехи истории глобальной экономики. По их мнению, эволюцию мирового хозяйства можно

разделить на четыре основных этапа – классику, неоклассику, глобализацию и финансовую экономику, которую они приравнивают к синергетике (С. 8–39). Конечно, можно долго спорить о хронологических границах каждой фазы или о том, почему авторы считают, например, что до меркантилистов никто из мыслителей не «пытается уловить в стихийном процессе производства и потребления богатства некую закономерность, чтобы поставить эти знания на службу обществу» (С. 8). Но не будем заикаться на мелочах. Пожалуй, самым оригинальным моментом предложенной периодизации является рассмотрение в разрезе каждого выделенного этапа роли человека. В «классической» фазе *homo sapiens* «превращается в социальный по своей природе фактор развития, затем – в коммерческий, потом – политический и, наконец, созидательный» (С. 9–10). Этот человекоцентричный подход проходит рефреном через всю книгу и является одной из «фирменных» черт подхода Евстигнеевых к экономике, который можно условно назвать субъект-объектной моделью.

Иными словами, ученые считают, что экономику надо рассматривать, прежде всего, через призму изменения взаимоотношений субъекта, т. е. человека, и объекта – хозяйственной среды. По мнению Евстигнеевых, одной из важнейших черт развития экономической истории последних трех столетий являлось «подспудное нарастание роли социально-культурных факторов развития» (С. 19). По твердому убеждению авторов, грядущая эпоха синергетики, которую исследователи определяют как комбинацию свободного выбора, целевой поддержки государства и множественного коммуникативного взаимодействия (С. 20), «невозможна без смелости и благородства человека, который не только образован, но и талантлив...» (С. 64).

Параллельно Евстигнеевы подводят читателей к выводу о том, что государство не может являться мотором развития системы, населенной подобными людьми-творцами. «Человек... не может быть уподоблен инструменту, которым управляет государство», – заключают авторы (С. 97).

Казалось бы, какое отношение все эти пространственные рассуждения на философские темы имеют к экономике? Самое что ни на есть экономическое, – ответим мы. Дело в принципиальной позиции Евстигнеевых, полагающих, что по мере развития технико-институциональной структуры мирового хозяйства «высокая

духовность», которая рождается в ходе общения между индивидами, становится одним из ключевых факторов хозяйственного развития (С. 97–99). Этот процесс Евстигнеевы предлагают называть «коллективным либерализмом», который, естественно, плохо поддается «контролю» и «развитию» со стороны государственных институций. Получается, что в современной экономике «массовое сознание», вышедшее из-под излишней опеки государства, перестает быть надстройкой над материальным базисом и как бы воспаряет над ним (С. 97–99).

Движение в сторону коокурентной модели хозяйствования

Вглядываясь в процессы, которые разворачиваются в мировом хозяйстве в последние годы, трудно не поразиться удивительной пронизательности Евстигнеевых. В настоящее время значительная часть экспертного сообщества говорит о том, что человечество стоит на пороге так называемой четвертой промышленной революции, основанной на внедрении в хозяйственный оборот киберфизических систем, 3-D принтинга, био- и нанотехнологий, искусственного интеллекта. К ее главным сущностным чертам можно отнести два момента: с одной стороны, она должна привести к стиранию границ между физическим, цифровым и биологическим миром, с другой – люди, благодаря достижениям НТП, смогут «вступать в более тесный контакт с правительствами, выражать свое мнение по разным вопросам, координировать усилия и даже обходить системы контроля властей» [17].

Естественно, очередная «индустриальная революция» ужесточает требования к качеству человеческого капитала и превращает умения продуцировать знания и генерировать новые идеи в определяющий фактор успешности личности. Однако будет опрометчиво полагать, что в зарождающейся социально-экономической реальности человек, вооружившись последними завоеваниями науки и техники, сможет заниматься творчеством в одиночку.

Напротив, как показывают современные исследования, новые знания являются продуктом коллективного творчества множества людей и социальных групп. Лейтмотив сотрудничества пронизывает все стороны человеческой жизнедеятельности, постепенно вытесняя идею чистой конкуренции, основанной на принципе «выживает сильнейший», на периферию обществоведческого

дискурса. Далеко не случайно, что именно в последние годы на страницах научной литературы все чаще встречаются такие термины, как «коокурентный обмен знаниями» / cooperative knowledge sharing [18] или просто «коокуренция» / coopetition⁴ – неологизм, призванный объяснить сущность кооперативной конкуренции. При этом технико-институциональные сдвиги оказывают серьезное влияние на изменение роли государства в экономике: «Механизмы сотрудничества все в большей мере вытесняют не только механизмы конкуренции, но и замещают функции власти, которая еще недавно казалась единственно возможным регулятором конкуренции», – замечает видный российский экономист В. М. Полтерович [22].

Но не становится ли государство «пятым колесом» в этой коокурентной «телеге»? Если нет, то какова его функция? С точки зрения Евстигнеевых, в недалеком будущем мы будем жить в нелинейном мире кластерно-сетевых структур, в котором, на первый взгляд, очень непросто найти место «традиционному» государству, которое попросту не способно справиться с управлением столь сложной социально-экономической системой. Однако авторы рецензируемой книги делают важное пояснение: «заметим, кстати, что кластеризация ведет не к уходу государства из экономики (голубая мечта ранних либералов), а, напротив, к его укреплению, но уже в новом качестве» (С. 140). По мысли ученых, государство в сетевой модели будет выполнять функции «системного интегратора, который, с одной стороны, консолидирует рыночные предложения, а с другой – гарантирует достаточные объемы заказов» (С. 140).

Здесь самое время сказать несколько слов еще об одном важном элементе подхода Евстигнеевых. Экономисты считают, что едва ли не главным отличием «текущей» версии мирохозяйственной системы от грядущей синергетическо-сетевой экономики является трансформация роли капитала. Если в существующей социально-экономической модели капитал, преимущественно, выражен в денежной форме, то есть генерируется в недрах денежно-бюджетной системы отдельных стран, то в синергетической представлен глобальным рынком «больших стратегических

⁴ См., например: [19; 20; 21].

программных инвестиций», который в терминологии авторов именуется «рынком финансового капитала» (С. 175–176).

Такой резко усложняющийся хозяйственный механизм ставит в повестку дня задачу выработки принципиально отличной от статичной неоклассики экономической парадигмы. Евстигнеевыми мыслится, что подобной метатеорией может стать синергетика, базирующаяся на двух основных принципах: во-первых, на рассмотрении экономики как открытой «сложной системы, способной к эндогенной эволюции, опирающейся на рыночную самоорганизацию», и, во-вторых, на трактовке социально-экономических процессов как нелинейных явлений (С. 160).

Догоняющее развитие «по-евстигнеевски»

В принципе, нельзя сказать, что авторы рецензируемого материала являются первооткрывателями подобных воззрений. Однако большинство придерживающихся схожих взглядов авторов редко «заземляют» свои концепции и, разве что в исключительных случаях, применяют их для анализа явлений, разворачивающихся в современной мировой экономике. К числу таких редких исключений относятся Евстигнеевы, которые задействовали идеи синергетики для изучения феномена догоняющего развития, а также проблем модернизации российской экономики.

Их трактовка догоняющего развития необычна, впрочем, как и вся книга. «Традиционное» определение догоняющего развития (catch-up development) можно сформулировать следующим образом: «...догоняние может быть определено, как процесс, в ходе которого развивающаяся страна сокращает разрыв в уровне дохода... и технологических возможностей... по отношению к ведущей стране» [23]. Получается, что догоняющее развитие – сугубо частно-страновая проблема.

Евстигнеевы решительно не согласны с подобной интерпретацией. «Догоняющее развитие уже не является проблемой национальных рынков. Это проблема мирового рынка», – пишут экономисты (С. 117). Такая ситуация складывается, с одной стороны, из-за того, что современное глобальное хозяйство «как бы реанимирует рынок свободной конкуренции, расширяя границы национального рынка путем включения его в глобальную систему экспортно-импортных и финансово-денежных отношений» (С. 121). С другой – массивная интеграция в мировую эконо-

мику государств бывшего третьего мира приводит к серьезному изменению расклада сил в мировом хозяйстве, что, естественно, не может пройти бесследно для геоэкономического хозяйственного ландшафта.

Помимо этого, Евстигнеевы возражают против одного из важнейших постулатов «классической» теории догоняющего развития, сформулированного А. Гершенкроном и гласящего, что развивающиеся страны обладают лишь одним преимуществом перед развитыми, а именно возможностью заимствовать технологические наработки стран-лидеров [24. С. 64]. Приведя множество ссылок на работы современных западных экономистов и подкрепляя их примерами из мирохозяйственной практики, авторы высказывают крайне плодотворную гипотезу о том, что «основополагающий принцип традиционного догоняющего развития – неперенная имитация пути, пройденного развитыми странами» – все меньше применим к современным реалиям (С. 123–125).

Евстигнеевы связывают исчерпание потенциала «классической» догоняющей модернизации с невозможностью преодоления отсталости исключительно посредством наращивания капиталовложений в основные фонды. Как уже говорилось выше, авторы «Экономической стратегии» считают главным драйвером социально-экономического развития человеческую культуру и нравственность, именуемую ими ментальностью.

Понятно, что «повысить» духовность общества таким привычным инструментом «классической» модели догоняющего развития, как увеличение нормы накопления, невозможно, а имитация более «передовой» культуры может и вовсе привести к краху всего модернизационного проекта. Следовательно, успешное догоняющее развитие теперь должно восприниматься, прежде всего, как эндогенный процесс – своеобразный экзамен обществу на способность наладить диалог внутри социума и превратить свою культурную самобытность в фактор повышения конкурентоспособности всей страны. В таком контексте абсолютно оправданным представляется следующий вывод: «По нашему мнению, деградация современного общества, в том числе российского, может быть преодолена не с помощью бесконечного умножения капитальных вложений, как полагают большинство

экономистов, а только путем зарядки общества мощной социальной энергетикой» (С. 131).

Социально-экономические «недуги» России и способы их «лечения»

Однако на этом рекомендации ученых для выхода российской экономики из кризиса не заканчиваются. Евстигнеевы усматривают корень проблем хозяйственной системы России в трех основных обстоятельствах: 1) в отсутствии инвестиционного банка, способного обеспечить экономических агентов «длинными» деньгами; 2) в слабом уровне развития финансового рынка, не обеспечивающего «оборот основного капитала в форме акций и облигаций»; 3) в неготовности государства выступить в роли «системного интегратора». Общий диагноз, который выносят экономисты российской экономической модели, – неспособность «поддержания высокой степени монетизации, совершенно необходимой для преодоления экономического спада в условиях экономики денежного капитала» (С. 140).

Может показаться, что Евстигнеевы примыкают к многочисленной группе экспертов, видящих панацею от всех бед экономики России в наращивании денежной массы и «раздаче» бюджетных средств реальному сектору. Между тем авторы считают подобные мероприятия лишь паллиативной мерой.

Подчеркивая необходимость реиндустриализации хозяйственной системы РФ, Евстигнеевы считают, что «ресурсов бюджета для этого недостаточно» (С. 141). Вместо этого они убеждают нас в необходимости институциональных преобразований, единственно способных запустить столь нужный России процесс новой индустриализации. «Новая индустриализация, – замечают они, – требует иной институциональной структуры» (С. 142). Но и здесь экономисты проявляют оригинальность. Когда в российской экспертной среде речь заходит об «институтах», то сразу начинаются сетования на отсутствие демократии, плохие и переменчивые законы, коррупцию и произвол властей. Почему-то принято думать, что все проблемы России сводятся к плохим правилам игры, и при введении «нормальных» институциональных практик, свойственных странам ОЭСР, РФ станет родиной очередного экономического чуда. Однако

Евстигнеевы видят стратегию институциональных преобразований в другом ключе.

По их мнению, основной вектор социально-экономического развития России следует переориентировать в сторону углубления регионализации. Ученые сразу оговариваются, что под регионализацией они имеют в виду «не политическую федерализацию» (С. 190). Если мы правильно поняли авторский замысел, то под регионализацией Рубен Николаевич с Людмилой Петровной подразумевают «повышение степени свободы выбора для экономических субъектов и, соответственно, их социального тонуса» (С. 131). Это, в свою очередь, должно ускорить переход России «к обществу “энергичных людей”, активно использующих систему типов человека как физического лица, как социального индивида (гражданина), как духовной личности» и, в конечном счете, привести российскую «цивилизацию... в состояние массовой самодеятельности» (С. 173–174).

Чтобы пояснить данную достаточно замысловатую идею, авторы приводят три примера, позволяющие оценить, как «массовая самодеятельность» может быть применена на практике.

«Первый. У нас разрушена деревня. Разве нельзя поддержать такую, например, инициативу по восстановлению жизнеспособности деревень, как предоставление солдатам дополнительного года службы в армии для строительства деревень в своих родных краях?

Второй. У нас разрушается лесная Сибирь, идет в распил и на продажу за рубеж. Разве не стоит призвать наших казаков к спасению Сибири, в том числе ее заселению, вместо того чтобы поощрять их игру в “казаки-разбойники” на московских улицах?

Третий. У нас погибает природа – реки и моря, леса, сельскохозяйственные земли. Почему бы не обратить серьезное внимание на наше волонтерское движение, на поддержку инициатив по спасению природных богатств со стороны местных властей, студентов и пр.?

Что касается массовой инициативы как способа существования цивилизации, то это не инициатива государства, хотя его участие не исключено; главное – переход к особому типу деятельного общения внутри коммуникативного пространства, организованного на принципах экономической синергетики» (С. 174).

Конечно, к такого рода примерам, равно как и к самой идее «массовой самодеятельности», можно относиться по-разному. Однако это не должно заслонять того факта, что альтернативы становления коллаборативному, человекоцентричному хозяйственному укладу, по-видимому, попросту не существует. Для анализа подобной экономической системы, действительно, нужна новая экономическая теория. Одним из возможных кандидатов на эту роль может оказаться синергетическая парадигма. В этом плане выход в свет очередной книги Рубена Николаевича и Людмилы Петровны Евстигнеевых, посвященной синергетической тематике, как нельзя кстати.

О синергетике для «чайников»

Несмотря на нашу горячую симпатию к большинству идей, выдвигаемых авторами, нельзя не отметить один недостаток рецензируемой работы, который, впрочем, является продолжением ее же достоинств.

Нельзя не признать, что чтение книги «Стратегия экономического развития России: теоретический аспект» едва ли напоминает легкую прогулку: оно требует запаса времени и сил. Возможно, автору настоящих строк попросту не хватает знаний и философской подготовки для того, чтобы непринужденно скользить по лабиринтам идей, которыми столь богата монография Евстигнеевых. В любом случае даже подготовленный читатель должен запастись терпением и не бросить читать книгу на первых страницах. Он должен помнить о том, что его старания окупятся сторицей – сложно отыскать работу по экономической проблематике, столь плотно «начиненную» ценными и нетривиальными концепциями, позволяющими по-новому взглянуть на привычные явления, как эта монография Евстигнеевых. Ведь сложность и даже запутанность являлись уделом многих великих трактатов по экономике.

Достаточно привести отзыв П. Самуэльсона об «Общей теории» Дж. М. Кейнса: «Это плохо написанная, плохо организованная книга... Она совершенно не годится для процесса обучения. Она претенциозна, полемична и не слишком щедра на признание чужих заслуг. Она полна иллюзий и недоразумений... Кейнсианская система изложена так путано, как будто сам автор плохо понимал ее суть и основные черты... Взлеты

интуиции и озарения переплетаются со скучной алгеброй, а двусмысленные определения неожиданно ведут к незабываемым побочным линиям рассуждений. Но когда все это остается позади, мы находим анализ ясным и новым. Короче говоря, это работа гения» [цит. по: 25. С. 495]. Думается, что после замены прилагательного «кейнсианская» на «синергетическая» данная оценка будет во многом справедлива и в отношении книги Евстигнеевых.

Естественно, мы не вправе давать советы ученым уровня Рубена Николаевича, но будет просто замечательно, если профессор Евстигнеев найдет время и сочтет нужным написать работу наподобие «Экономики для “чайников”» Ш. Флинна и/или подготовить глоссарий по основным понятиям экономической синергетики. Просто нам представляется, что не стоит ждать появления очередного «Самуэльсона», который переложит на доступный широкой общественности язык эту сокровищницу столь нужных современной экономической науке мыслей.

Литература

1. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 46–66.
2. *Blaug M.* Ugly Currents in Modern Economics // Policy Options. – 1997. – Vol. 18. – № 7. – P. 3–8.
3. *Kaletski A.* Goodbye, Homo Economicus // Real World Economics Review. – 2009. – № 50. – P. 151–156.
4. *Mirowski P.* The Great Mortification: Economists' Responses to the Crisis of 2007- (and Counting) // The Hedgehog Review. – 2010. – Vol. 12. – № 2. – P. 28–42.
5. *Kirman A.* The Economic Crisis is a Crisis for Economic Theory // CESifo Economic Studies. – 2010. – Vol. 56. – № 4. – P. 498–535.
6. *McCloskey D. N.* The Rhetoric of Economics. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1998. – 248 p.
7. *Krugman P.* How Economists Get It So Wrong? // The New York Times Magazine. – 2009. – 2 Sept.
8. *Phelps E. S.* Rebuilding Economics: Why? And How? URL:// <http://www.columbia.edu/~esp2/WorldEconomicForum2010JanD5.pdf>
9. *Дерлугьян Г. М.* Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. – М.: Институт Гайдара, 2013. – 176 с.
10. Institute for New Economic Thinking. URL: // <http://wikiprogress.org/data/organization/institute-for-new-economic-thinking>

11. We Advance Sound Economic Ideas to Better Serve Humanity. URL: // <https://ineteconomics.org/about/our-purpose>
12. *Leonard R.* Value, Sign, and Social Structure: the “Game” Metaphor and Modern Social Science // The European Journal of the History of Economic Thought. – 1997. – Vol. 4. – № 2. – P. 299–326.
13. *Lavoie M., Pressman S.* Foreword // O'Hara P.A. (Eds.). Encyclopedia of Political Economy. – L., N.Y.: Routledge, 1999. Vol. 1. A-K. – 632 p.
14. *Schulman J.* In Defense of Grand Narratives. URL: // <https://www.jacobinmag.com/2011/03/in-defense-of-grand-narratives/>
15. *Owen B.* Grand Narratives and Grand Theories. URL: // <http://bruceowen.com/foundworld/h201-09f-04-GrandNarrativesTheories.pdf>
16. *Nasar S.* Grand Pursuit: The Story of Economic Genius. – N.Y.: Simon & Schuster Paperbacks, 2011. – 576 p.
17. *Мануков С.* 4-я промышленная революция в Давосе. URL: // <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolutsiya/?12016>
18. *Ghobadi S.* Knowledge Sharing in Cross-functional Teams: a Coopetitive Model // Journal of Knowledge Management. – 2012. – Vol. 16. – Iss. 2. – P. 285–301.
19. *Dagnino G. B., Padula G.* Coopetition Strategy a New Kind of Interfirm Dynamics for Value Creation. URL: // <http://ecsocman.hse.ru/data/977/644/1219/coopetition.pdf>
20. *Luo Y.* Coopetition in International Business. – Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2004. – 211 p.
21. *Yami S., et al.* (Eds.). Coopetition: Winning Strategies for the 21st Century. – Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2010. – 264 p.
22. *Полтерович В.* На смену конкуренции приходит сотрудничество. URL: // <https://www.hse.ru/science/news/180007896.html>
23. *Burlamaqui L.* Development Theory: Convergence, Catch-up or Leapfrogging? A Schumpeterian Approach. URL: // https://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/bitstream/handle/10438/16262/Leonardo%20Burlamaqui%20-%20Development%20Theory%20-%20Convergence,%20Catch-up%20or%20Leapfrogging_0.pdf?sequence=1&isAllowed=y
24. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 536 с.
25. *Макашева Н. А.* Дж. М. Кейнс: новая теория для изменившегося мира / Автономов В. С., Ананьин О. И., Макашева Н. А. (Ред.). История экономических учений. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 784 с.